

Цзимо Ци пребывал в полузабытьи. В полудреме ему почудился тот мальчишка, к которому он питал странную симпатию, — тот улыбался ему так искренне и ярко. Внезапно в груди Цзимо Ци вспыхнуло нестерпимое пламя, и он растерялся, не понимая, что происходит. Сознание окончательно затуманилось, он перестал понимать, что бормочет в бреду, а жар из груди в мгновение ока разлился по всему телу.

Цзимо Ци было невыносимо больно. Особенно мучительной казалась спина: тридцать ударов кнутом оставили след, и теперь каждая рана отзывалась жгучей болью, словно его плоть терзали тысячи маленьких лезвий.

Охваченный адским пламенем, он чувствовал себя рыбой, зажатой в огненном кольце, — бежать было некуда. Как бы он ни пытался бороться, он не мог пошевелить даже пальцем.

Отец... Неужели это еще один способ наказания, придуманный отцом? Он больше не может, он правда больше не вынесет этого! В этом бесконечном огненном аду вся та холодная решимость и показное безразличие, которые Цзимо Ци выстраивал годами, были жестоко разорваны в клочья, словно бумажная ширма. Он рыдал в голос, вскрикивал от боли. Он не чудовище! Он не бездушная тварь, лишенная крови и слез, он ведь тоже... человек!

Раздался тяжелый вздох. Словно в ответ на его мольбу о пощаде, отец отступил. В груди разлилась слабая прохлада; хотя она не могла полностью погасить пламя, напряженные нервы Цзимо Ци получили хоть каплю облегчения.

— М-м!

Он тихо застонал. Грудь словно сдавило что-то холодное. Это ощущение — смесь ледяной прохлады и жара — было странным, а два тонких длинных предмета, что небрежно забавлялись с его кожей, причиняли острую, жгучую боль. Цзимо Ци недовольно промычал. В какой-то момент, подчиняясь инстинкту, он смог пошевелить рукой и перехватил эти прохладные штуки, заставляя их оставить в покое его измученную грудь. Предметы на мгновение замерли, но Цзимо Ци, повинуясь первобытному порыву найти спасительную прохладу, прижал их к своему животу.

Цзюнь Тяньяо ошарашенно смотрел на свои пальцы, пойманные в ловушку, а затем перевел взгляд на, казалось бы, беспмятного и обмякшего Цзимо Ци. Он ощущал под пальцами безупречную текстуру его кожи — гладкую, как шелк, и влажную от капель воды, что еще не успели высохнуть. Это было до крайности соблазнительно, и внизу живота у Цзюнь Тяньяо начало припекать.

Двумя пальцами он резко ущипнул его, с силой сжав кожу. В ответ раздался низкий стон, рука, державшая его пальцы, безвольно упала, позволив Цзюнь Тяньяо освободиться.

— Похоже, ты вовсе не такой холодный, каким хочешь казаться, — пробормотал Цзюнь Тяньяо.
— Жаль только, что я еще слишком юн, иначе давно бы уже с тобой разделался!

Цзюнь Тяньяо предпочел не думать о том, что сам же и разжег этот огонь. Вместо этого он лишь коснулся своего собственного возбужденного естества и с досадой принялся винить во всем Цзимо Ци. Он осторожно стащил с юноши остатки рваных черных одежд. Пальцы двигались проворно, не смея больше ни на мгновение коснуться кожи Цзимо Ци. Он боялся не того, что раззадорит мальчика и вызовет у того пожар в крови, а того, что сам слишком рано растратит свою жизненную эссенцию — юань-ян — и перестанет расти.

С самым серьезным видом он продолжал раздевать Цзимо Ци, пока не оставил на нем лишь одни исподние штаны. Гноящиеся следы от кнута на спине юноши теперь предстали перед глазами Цзюнь Тяньяо во всей своей неприглядной красе.

Цзюнь Тяньяо скривил губы. Скорее всего, это дело рук отца этого отпрыска знатного рода. Удары наносились с такой силой, что кнут каждый раз впивался глубоко в плоть, не оставляя живого места. Сущий палач — в точности как его собственный отец, достойны друг друга.

Изучив раны Цзимо Ци, Цзюнь Тяньяо все же решил проявить каплю милосердия. Он перевернул худощавого юношу на живот, уложив его у костра в позе лежа.

Упругие ягодицы, тонкая талия, жилистый живот — у Цзюнь Тяньяо даже нос зачесался от прилива крови.

Он зажмурился и несколько раз про себя повторил: успокойся, будь хладнокровен. Затем Цзюнь Тяньяо положил одежду Цзимо Ци рядом с костром и, не чувствуя ни капли смущения, разделся догола. Он сидел рядом с Цзимо Ци, совершенно не стесняясь своей наготы.

Подул холодный ветерок, и Цзюнь Тяньяо, не раздумывая, придвинулся к живому источнику тепла.

Полуобнаженный юноша тихо лежал на земле. Его кожа цвета нефрита, слегка покрасневшая от жара, на фоне темной земли казалась еще более соблазнительной. Длинные изящные руки были крепко связаны полосками ткани и заведены над головой. Испещренная шрамами спина в отблесках пламени окрасилась в золотистые тона. Переплетение золота и красного, ослепительно прекрасное и печальное — поистине идеальная картина мученичества.

Цзюнь Тяньяо наклонил голову, любуясь своей работой. Его дыхание стало тяжелее, мантра о хладнокровии перестала действовать. Розовые губы растянулись в бесстыдной, порочной усмешке:

— Хе-хе, маленькая красавица, не сопротивляйся больше, покорись мне по-хорошему!

Разумеется, Цзимо Ци, находясь в беспамятстве, не мог упрекнуть Цзюнь Тяньяо в бесстыдстве. Ведь это он сам, боясь поддаться искушению, связал его так крепко. Если бы он сейчас был в сознании, то непременно выплюнул бы полный рот крови от негодования.

Цзюнь Тяньяо посчитал, что подготовился достаточно. Произнес эту пафосную фразу, он, подобно голодному тигру, набросившемуся на добычу, припал своим маленьким телом к длинному и стройному телу юноши. В свете огня две фигуры сплелись в единое целое, и в воздухе разлилась густая, причудливая атмосфера.

Раз уж нельзя вкусить самого лакомого кусочка, он по крайней мере должен сполна насладиться прикосновениями и потешить свое тщеславие!

<http://bllate.org/book/21941/2279443>